

Прошло 52 года...

Вот и отпущел праздник 50-летия Великой Победы. Радостен этот день для тех, у кого родственники вернулись с кровавых полей войны. До боли грустен тем, кто не дождался своих близких. Дети выросли без отцовской ласки, жены остались вдовухами-вдовами, матери и отцы не увидели сыновей и дочерей... Только и остались для них последние листочки писем да извещения-похоронки.

Ушли вереницей прожитые годы, но иногда я вновь и вновь перебираю эти листки: как бы любил и ласкал нас отец? Но все мы, трое братьев, выросли сиротами, безотцовщиной. Что бы ни случилось в нашем бараке, все грехи валили на нас. Я завидовал своим сверстникам, у которых были отцы. Даже когда мальчикам доставалось ремнем за плохую отметку или нехорошую запись в дневнике. Хотелось почувствовать крепкую отцовскую руку. Но всех нас троих воспитывала и наставляла наша маленькая и слабая мать. Братя мои, Иван и Владимир, мало что помнят об отце. Были слишком малы. А вот мне четко врезался в память день, когда мы провожали отца на фронт в 1941-м. Мне было 6 лет. На нынешней трамвайной остановке «Товарная» был вокзал — громадное здание с большими окнами. Было множество народа. Обнимались, плакали, пели, плясали... Мать украдкой вытирала концами платка слезы. Отправка задерживалась на несколько часов и мы вернулись домой, благо что жили в бараке рядом. Вечером подали состав, раздался удар колокола, и поезд медленно стал отъезжать, мелькнул последний вагон и исчез в темноте. А толпа людей все шла и шла. Казалось, что мы никогда не выйдем из этого скопища. А дома, прижавшись друг к другу, сидели на койке и ревели маленькие Иван и Владимир. Мать прижала всех нас троих к себе и заплакала, приговаривая, что вот остались мы без отца и как теперь будем жить.

— Эти проводы и сейчас у меня перед глазами, — вспоминает Александр Ефимович Голубков.

Приходили соседки по бараку, чьи мужья тоже ушли на фронт. Вели разговоры о жгилье-былье. А одна даже умудрилась съездить под Троицк в лагерь обучения. «Ты бы, Поля, сразу и не узнала своего Ефима, все стрижены и в солдатской форме...»

Пошли дни за днями. Начали приходить письма на клочках бумаги, написанные карандашом. Перечитываю сегодня их и как будто издавка слышу отцовский голос. Вспоминаю нашу первую зиму без отца. В стайке возле барака мы держали корову. До войны отец работал коновозчиком в горжилуправлении, отсюда привозил на корм сено и солому. С отъездом отца на фронт добывать корм стало труднее. После долгих обещаний нам привезли объедков от сена и соломы, так что первую зиму корову мы прокормили, и сами кормились возле нее. А уж летом я с друти-ми ребятами гонял пастись буренку на гору Атач, или Американку, как ее еще называли тогда. Мать поступила работать сторожихой в детский сад. На ночь мы оставались одни, я закрывал дверь на

крючок и никого не пускал до прихода матери.

Запомнилось мне еще одно постигшее нас горе. Сердобольная наша матушка привохла одинокую женщину, которой негде было ночевать. Прожила она с неделю и исчезла, прихватив все хлебные карточки и деньги из сундучка, которые мать скапливала для покупки сена на зиму. Месяц жила без карточек. Никто не пошел соседям, которые по кусочку хлеба приносили нам...

Когда от отца приходили письма, мать бывала приветливой и радостной, читала их нам, стоящим вокруг, и мы слушали, затаив дыхание. Позже, когда я научился читать, то многого в этих письмах не нашел. Понял, что многие подбадривающие слова мать придумывала сама.

Однажды почтальон передал матери конверт, подписанный не рукой отца. Мать истошно взвывала, запрятала: «Милые мои детки, вы теперь остались навек сиротами, нет у вас отца, пропал без вести...» Но до самого конца войны в доме жила надежда, которая потом растаяла.

Победа! Я ходил на вокзал встречать поезда с возвращающимися солдатами, взглядывался в их обветренные лица, ждал, пока последние не покинут перрон, со всех ног мчался домой с одной мыслью: вдруг пропустил отца, не узнал, или он меня не узнал, так я за годы войны вырос. Врывался, захлывавшись, домой и не находил отца в нашей комнатухе.

Все письма отца у меня разложены по годам. Я думаю, что некоторые из них следует опубликовать. И пусть повеет о нас тем грозным и тяжким временем. Ведь это — наша память.

13/X-41г. «...Сообщаю, что я жив и здоров. Привет всем и своим деткам Шуру, Ване, Вове. Поля, пропшиши, чем контора помогла тебе или нет. Ежели не привезли сена, то я пошло прямо телеграмму в контору на имя Довгала. Только пиши скорее ответ... Ефим Кузьмич Голубков.»

10/XI-41г. «Жив и здоров, того и вам желаю. Всем привет, деткам Шуру, Ване, Вове, Павлу Ивановичу и всем родным и знакомым. Поля, писали, что делать с коровой? Ежели не дадут сена в конторе, то выведи ее на базар. Так хочется всех увидеть хоть одним глазом. Высылаю красноармейскую справку...»

20/III-42г. «Добрый день, дорогое мое семейство. Я жив и здоров. От вас не получал давно писем... Я живу ничего. Поля, дорогая моя, сходи к Довгалу в контору и передай ему лично горячий красноармейский привет, чтобы помог тебе насчет сена или соломы. Ежели только он откажет, то пойдти в райвоенкомат к товарищу Корвину. Поля, я нахожусь пока при хоззаводе. Только весна придет, поедем громить немецких гадов и их разгромим. Вернусь домой к тебе и к своим деткам и будем их воспитывать. Поля, хотя бы выслали фотокарточку, хочется вас увидеть с сынами, уже их не видел 6 месяцев, хочется на них посмотреть...»

10/IV-42г. «... Поля, уезжаем отсюда, где мы были и неизвестно куда и в какую сторону. Больше не пиши на хозяйский адрес, а пиши по адресу: почтовая станция — 260, кавалерийский полк — 209.

Как-нибудь живите и не думайте обо мне. Поля, держите корову до меня, сколачивайте деньги, купите сена. Попроси у шуррина Павла Ивановича. Передай всем родным и знакомым в бараке привет...»

3 сентября 42г. «... Поля, почему не пишешь, где ты работаешь? Пишешь, как вы хорошо живете, и у меня радуется сердце. Поля, как с тебя берут за квартиру и каким образом налог за этот год? Мой адрес: полевая почта — 875, 2-й батальон, 2-я рота, 1-й взвод. Напиши быстрее ответ...»

15/VIII-42г. «Добрый день, мое семейство. Пысылаю я вам девятую рублей и всем по низкому поклоню...»

9/II-43г. «Здравствуйте, дорогие мои детки и уважаемая супруга Пелагея Ивановна. Шлю свой горячий привет. Опшишу свою жизнь. Плохо тем, что находимся под открытым небом, приходится спать и дневать. Уважаемая Поля, ничего, что я не пишу писем. Не гневайся. Писать нечем, пока добьешься карандаша и бумаги. Поля, дорогая, только пиши чаще. Я сейчас переведен и нахожусь во взводе связи. Ежели только буду жив после этого боя... Иду третий раз в бой. Я думаю, что оправдаю доверие, которое мне оказала партия Ленина.»

Поля и дороге мои детки Шура, Ваня, Вова. Я с вами здороваюсь и прощаюсь... Поля, передай привет Павлу Ивановичу, дяде Андрюше, тете Ане, сестрицам Ксени, Гале и всем в бараке. Поля, вы пишете чаще мне письма. На этом до свидания, ваш муж Ефим Кузьмич Голубков.»

— Это было последнее от отца письмо, — завершил свой рассказ Александр Ефимович Голубков.

Пришло извещение: «г. Федоровой Пелагеи Ивановны, проживающей — Старотуковский поселок, ул. Коммунальная, барак 2, ком. 16. Извещая Вас с прискорбием о том, что красноармеец части 07656 Голубков Ефим Кузьмич, уроженец г. Магнитогорска, Челябинской области, находясь на фронте, пропал без вести 22 февраля 1943 г. Ленинградская область, Тосненский район.

Основание: Алфавитная книга погибших и пропавших без вести, инв. №34, дело инв. № 239, том 2, стр. 289. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о назначении пенсии (пособия) и предоставления льгот, установленных Законодательством СССР.»

— 6 сентября 1944 г. нашей матери была назначена пенсия Сталинским райисполкомом на нас троих детей 210 рублей в месяц. Прошло 52 года, но никогда не забыть, как мы выжили и выросли. Сейчас все взрослые, обзавелись семьями. Но память неизгладима. Сколько горя и бед принесла война! Люди, берегите мир. Пусть никогда дети не остаются без родителей, женой без любимых, а материн отцы без сыновей и дочерей. — так закончил свой рассказ сын — Александр Ефимович Голубков.

Записал С. ФЕДОРОВ.

Верните нам автобус — на костылях мы не дойдем

Люблю свою газету и всегда читаю. Спасибо за то, что вы нам, читателям, желаете добра — это чувствуется по публикациям. Но не в порядке подкалываю пишу эти строчки, а по другому поводу.

В номере за 27 июня под рубрикой «Крик души» было опубликовано письмо читательницы, озаглавленное «Так жить нельзя». Напрасно женщина не указала свою фамилию, хотя я ее прекрасно понимаю: старые парткомы и сегодня у власти: сожрут и морально прикончат. А ведь в том письме — суцкая правда.

Село Верхне-Кизильское находится всего в 15-20 километрах от города. Это отделение совхоза МОС и является подсобным хозяйством АО ММК. К тому, что три года у нас не действует радио, прибавьте проблемы с водой. Речную (заметьте!) воду развозят по деревне в грязной бочке и люди ее караулят. Такой дикой жизни нет, наверное, в глухих аулах.

Может, эти «мелочи» были бы не так тяжки, если бы не транспортные мучения. У нас прежде трижды в день ходил автобус № 455. В апреле, видимо, в ознаменование 50-летия Победы рейс этот сняли, якобы, из-за нерентабельности. Что же получается: когда до села проехать стоил 15 копеек, была рентабельность, сейчас каждый проезд обходится в 1200 рублей — нерентабельно?

Я часто езжу этим автобусом и наблюдал такую картину. Автобус ходил без кондуктора, обилечивал пассажиров водитель. Билетов, как правило, не выдавал. Вот и выходит: у водителя — карман денег, а выручки — никакой. Думаю, от того и нерентабельность маршрута. Но почему должны страдать люди? Видимо, чинуша, безжалостно отдавший распоряжение об отмене автобуса, решил, что в год 50-летия Великой Победы инвалиды и участники войны вполне могут обходиться костылями.

Мы обращаемся к руководству комбината: помогите! Ведь действительно так жить нельзя. Жители села в основном пожилые люди, которым постоянно нужно ездить в город на лечение. А дети и внуки могли раньше без проблем навещать стариков.

Свою просьбу мы подкрепляем таким предложением. По Верхнеуральскому тракту курсируют автобусы — четыре на Ржавку, четыре до Центрального отделения МОС. Можно завозить пассажиров в Верхне-Кизильское и дальше следовать по своему маршруту на МОС или Ржавку. Для этого потребуются всего «лишние» полчаса.

М. А. ПРУДНИКОВ,
участник войны, ветеран труда.

Рассказывать о людях труда

Около тридцати лет проработал я в ЛПЦ №3, из них более двадцати поддерживаю тесную связь с заводской газетой «Магнитогорский металл». Доводилось писать на разные темы: о шефской помощи селу и школе №4, о цеховых наставниках и наставничестве, передовиках производства. Признаюсь, везло мне на хороших людей. Перебираю сегодня мысленно тех, с кем доводилось встречаться и беседовать, и радуюсь: нет, ни в ком не ошибся!

Героем моих зарисовок как-то стал инженер-прокатчик, старший вальцовщик пятиклетового стана Михаил Бронников. Привлек меня этот парень своей выдержкой, деловыми качествами. Сегодня Михаил Семенович Бронников — руководитель крупнейшего на комбинате третьего листопробного цеха, который еще в бытность моей работы называли золотой жилой комбината.

Хочу сказать о роли газеты в жизни ММК. Хотя и являлась она «органом парткома, профкома и комитета комсомола», была, как мне кажется, более живой и интересной. Погас сейчас в ней огонь, сухой стала. Перестала рассказывать о людях труда, о рабочих коллективах. Думаю, настала пора вернуться к той практике. От всей души согласен со словами генерального директора АО ММКА И. Старикова из интервью в одном из номеров «ММ»: «Время чумы закончилось, настала пора развернуть соцсоревнование между цехами и производствами комбината, поднять производительность труда, количество и качество продукции, расширить ассортимент. Заинтересовать коллективы и морально, и материально.»

Газетчикам и нам, рабкорам, есть что рассказывать. Возьмем, к примеру, сельские цеха комбината — МОС, ТСС и другие. Как живут сельские, как работают, в чем нуждаются? Они кормильцы наши. И у металлургов, и у сельских — непочатый край. Как сказал в одном выступлении В. С. Черномырдин: «На привозной воде мельница работать не будет». Заграничные господа нас не накормят. Задача газетчиков правдиво рассказывать об этих делах.

И. ЧЕЦКИЙ,
ветеран ММК.

Постараться отыскать след

Как и в других странах, мы теперь тоже пришли к учреждению Дня Памяти. Согласно Указу Президента РФ от 28.04.93г. дата его проведения лежала на 22 июня. Дата печали и слеза, день начала Великой Отечественной войны, которая унесла миллионы и миллионы человеческих жизней. Поэтому комитет «Памяти павших», все его активные помощники и участники поиска осознают ответственность своей работы.

О фронтовой судьбе многих наших земляков известно слишком мало. До недавнего времени считалась пропавшей без вести Татьяна Семеновна АГ ЕЕВА 1920 года рождения. Работала до войны в школе № 47 учителем математики, училась в пединституте. По решению бюро ГК ВЛКСМ была направлена в распоряжение ЦК комсомола. Сегодня о том, как воевала Т. С. Агеева, можно прочитать в сборнике «Люди Нораханского края», где опубликованы воспоминания бывшей учительницы «Рация в действии» и которую в комитет «Памяти павших» принесли родственники. В 1942 году Агеева окончила в Москве при спецшколе курсы радистов-операторов. И была заброшена с группой подпольщиков на территорию оккупированной Белоруссии. Некоторое время работала при Белорусском штабе партизанского движения. Затем в качестве радистки была направлена в Вилейский обком, где воевала под командованием секретаря подпольного обкома П. М. Машерова. Посредством радиосвязи обеспечивала взаимодействие в боевых операциях партизанских бригад и отрядов против оккупантов. Награждена орде-

ном Отечественной войны II степени и четырьмя медалями. Шла в бой не за награды, а за свободу Белоруссии. После войны работала на Минском радиозаводе им. 50-летия КПБ.

Книга Памяти разбита на 4 тома. Сейчас, когда работа по ее созданию близится к завершению, в ходе уточнения, проверки и перепроверки имен открываются новые и новые данные. Эти имена войдут в пятый, дополнительный том.

Погибших по сей день оплакивают. Пропавших без вести по сей день ждут — вопреки времени.

Вот БЕЛЯКОВ Михаил Гордеевич (1905 г. рожд.), — красноармеец, ранен в бою и умер от ран 17 декабря 1943 года. Был похоронен 500 м. западнее д. Шелкуниха, Невельского района Калининской области. Это данные извещения, восстановленного уже в последние годы. Но след М. Г. Белякова оборвался. Долгие годы пытались установить его судьбу, узнать о смертном часе, найти могилу мужа и брата. И все-таки поиск погибшего красноармейца сестрой В. Г. Беляковой завершился успехом. Помощь в поиске оказали и местные жители села Турки Перевоз, куда после войны было сделано перезахоронение останков погибших воинов из Невельского района. Здесь на братской могиле установлен памятник. Родственники Михаила Гордеевича ездили на могилу, где их встретили местные жители с большим радушием и вниманием. С местной жительницей А. А. Зеркаловой налажена переписка. Да, это, конечно, радость. Горькая, но все же...

Но не все еще установлено. И каждая дата, новое название — это огромной и кропотливой работы комитета «Памяти павших». Вот еще одно имя: АБДРАФИКОВ Мурат Мухаметович, служивший до войны на Дальнем Востоке. Долгое время безрезультатным оставался поиск на магнитогорца Абдрафикова. Родственникам известно было, что воевал на Сталинградском направлении. Оттуда пришли от него и строки последнего письма: «Решил написать письмо, а то не удастся...» Сегодня с помощью однополчан установлено, что Абдрафиков М. М. воевал в составе 95 стрелковой дивизии 62-й армии, погиб при защите Сталинграда и похоронен на Мамаевом Кургане. Жестоко обошла судьба сего однофамильца Абдрафиковым Шакиром. Данных на него нет. Спустя столько лет числится пропавшим без вести. Почему же он остался неизвестным? Почему затерялся на дорогах войны сотни и тысячи имен защитников Родины, до конца исполненных перед ней свой сыновий долг? Это случилось не по их вине. Неизвестных солдат нет и быть не может, потому что мы, живые, защищаем их кровью, ходим по земле, растим детей на радость грядущему, несмотря на сложные сегодняшние условия... В комнате 125А (Дом Советов), где находится комитет «Памяти павших», всегда есть посетители. Люди, приходящие сюда, чем-то похожи друг на друга. Конечно, вопросы разные. Вот только надежда у них одна. И одна просьба: «Помогите найти...» И живет вера: вдруг отыщется след на опаленной войной земле...

П. СПИРИН,
рабкор.